

новится сюжетообразующим в повестях «Високосный год», «Повести о бесприютной любви», «Суд у Слабадзе». Мотив утраченного рая находит свое отражение в романах «Неруш» и «Хроніка дзедмаўскага саду». В этапном произведении В. Астафьева «Царь-рыба» особое звучание приобретает мотив преступления и наказания. Названные мотивы выполняют в произведениях как идейно-тематическую функцию футурологического прогноза, так и жанрообразующую: приближают произведение к жанру антиутопии.

Примечательно, что обращение к Библии в прозе второй половины XX века не ограничивается творческой интерпретацией отдельных мотивов. Случается, что писатели соотносят логику своих произведений с библейскими сюжетами, сохраняя архетипическую связь с первообразными евангельскими темами или же по-новому трактуя суть образов, «приспосабливая» их к изменениям в исторической ситуации. Так, В. Короткевич в романе «Хрыстос прызымліўся ў Гародні» создает свою версию Евангелия, определяя жанровую форму произведения как «Евангелие от Иуды».

Возвращение к утраченным христианским ценностям наметилось в произведениях «деревенской прозы». Особую остроту и актуальность приобретает тема возвращения к корням, восстановления разорванных связей с родной почвой, ибо только так можно обрести духовную опору. Не случайно, фабульная канва многих произведений «деревенской прозы» в той или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. Очевидно, что и движение гуманитарной мысли в XIX–XX веках коррелирует с логикой сюжета об отречении от отца (Бога) и последующем раскаянии, жажде спасения и решении вернуться. В белорусской литературе евангельская притча приобретает еще одно определяющее значение – обретения не только личной, но и национальной идентичности.

Заключение. Обращение писателей второй половины XX века к мифологическим мотивам, сюжетам, образам помогло выйти за рамки нормативной эстетики на качественно новый философский и эстетический уровень, универсализировало образную систему произведений за счет обращения к архетипическим пластам, открыло возможность межкультурного диалога. Кроме того, мифологическая условность выступила маркером нового типа поэтики, сформировавшегося в литературе последней трети XX века. Нельзя не отметить, что неомифологические приемы моделирования реальности преобладают в творчестве белорусских авторов, поскольку углубленность в национальную мифологию способствует выражению идеи национального возрождения.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ОБЩЕНАУЧНОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ

*А.А. Лавицкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современном мире наблюдается активное развитие интеграционных процессов. Наука не стала исключением этой тенденции. Объединение усилий путем обмена научными данными, опытом, совместные фундаментальные и прикладные исследования дают возможность не просто расширять горизонты научных представлений, но и поступательно двигаться в сторону создания единого образовательного и научного пространств. Все это еще раз актуализирует одно из важнейших требований к современному ученому – знание иностранного языка. При этом на первый план выходит сфера профессиональной коммуникации, умение правильно понять и максимально точно передать узкоспециальные научные знания. Не углубляясь в методические особенности данной проблематики, мы остановимся на вопросах перевода общеупотребительной русскоязычной научной лексики, усвоение которой, несомненно, является первым важным шагом в овладении иностранным языком на уровне профессионального общения. Цель – проанализировать перевод общенаучной русскоязычной лексики на иностранный язык.

Материал и методы. Материалом проведенного исследования послужили статьи русско-английских и русско-немецких словарей, а также глоссарии некоторых учебных пособий, изданных в Беларуси и данные с официальных сайтов университетов. В процессе работы были использованы сравнительно-сопоставительный метод и частично метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Раскрывая заявленную тему, в первую очередь необходимо объяснить, какую лексику мы относим к общеупотребительной научной. С нашей точки зрения, таковой следует считать слова и выражения, используемые повсеместно в текстах всех

научных направлений. Например: кандидат, доктор наук, диссертация, кандидатский экзамен, реферат, статья, монография и т.д. Как видно из приведенных примеров, лексические границы анализируемой группы слов довольно размыты, что, впрочем, не является первостепенно важным для нашего исследования.

В анализируемом языковом материале можно встретить различные варианты перевода одних и тех же общеупотребительных научных лексических единиц. Так, привычное нам понятие *kandidat nauk* чаще всего переводят дословно как *Candidate of Sciences* (англ.), *Kandidat der Wissenschaften* (нем.). Понятное для всех белорусских ученых *кандидатский экзамен* часто переводят как *Kandidatenprüfung* (нем.), или используя целый арсенал научных оборотов: *qualifying examinations for the Candidate degree; qualifying exams for admission to postgraduate study; minimum requirements for a Candidate's degree* (англ.). Таких примеров неточного или неправильного перевода можно привести достаточно много, ведь даже в названиях учебных заведений, готовящих специалистов высшей научной квалификации, часто можно встретить использование дословных переводов (*Brest State University named after A.S. Pushkin Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank* (англ.)).

Следует оговориться, что приведенные примеры отнюдь не свидетельствуют о безграмотности наших специалистов, тем более не хотелось бы обижать своих собственных коллег, ведь подобные переводы повсеместно встречаются в научных текстах ученых стран всего постсоветского пространства. Кроме того, конечно, следует учитывать тот факт, что речь идет о лексике научной, которая занимает немного места в учебных программах подготовки специалистов иностранного языка. Да и критика как цель этой статьи нами не ставилась. Дополнительно в защиту авторов приведенных в примерах переводов можно привести еще три весомых фактора, определение значимости которых должно и помочь нам разобраться в поднятой проблеме.

Во-первых, как мы знаем, конечный результат коммуникации – это донесение смысла высказывания до слушателя или читателя. С этой точки зрения сложно определить, являются такого рода ошибки в переводе фатальными для всего коммуникативного акта, поймет ли нас собеседник? Кроме того, у него, несомненно, будут возможности уточнить, если он что-то не понял (переспросить, использовать словарь и т.д.). И к этим доводам можно прислушаться, если не одно «но». Такую небрежность в переводе общеупотребительной научной лексики никак нельзя перенести на материал узкоспециальный, где неправильно истолкованное содержание может иметь очень серьезные последствия.

Во-вторых, многие приведенные примеры не имеют аутентичных аналогий, т.е. переводимые понятия просто отсутствуют в иностранном языке. Это, конечно, дает все основания использовать различные варианты. Например, уже упомянутые нами названия университетов могут иметь вариации при переводе на другой язык: *Yanka Kupala State Universiyu of Grodno* и *Mogilev State A. Kuleshov University*. Главное, чтобы они правильно отражают смысловое содержание и дают носителю языка четкое представление о переводимом. Есть примеры, когда ситуация противоположная и переводимый термин имеет несколько вариантов на иностранном языке. В этом случае необходимо правильно выбрать эквивалент, наиболее близкий по своему значению. Например, слово *реферат* имеет несколько вариантов перевода: *Report, Reference, Precis* и др. (англ.), *Vortrag, Bericht* (нем.) и др. Но если *реферат* используется в значении «реферат к кандидатскому экзамену», то следует использовать следующие термины, наиболее близкие аутентичной семантике: *Summary, Abstract* (англ.) и *Referat* или *Abstract* (нем.). А сам *кандидатский экзамен* следует переводить так, чтобы иностранец понял, что это за экзамен. Так, например, немец вред ли поймет, экзамен на какого кандидата может называться *Kandidatenprüfung*, по той простой причине, что слово *Kandidat* не будет у него ассоциироваться с получением ученой степени, в отличие от понятия *Doktorprüfung*. Точно также ни англичанин, ни американец не поймут «изысканное» *minimum requirements for a Candidate's degree*: для них будет достаточно *post-graduation examination* с указанием предмета или *Doktorexamination*.

В-третьих, наши оппоненты могут высказать мнения о том, что язык имеет не только коммуникативную функцию. Наш лексикон решает важнейшие лингвокультурологические и лингвострановедческие задачи, т.к. призван отражать национальную и страноведческую реальность. Если согласиться с таким мнением, тогда перевод *Candidate of Sciences* (англ.), *Kandidat der Wissenschaften* (нем.) являются весьма логичными и обоснованными, ибо как нельзя лучше показывают нашу специфику подготовки кадров высшей научной квалификации. Но здесь стоит уточнить один момент: какой язык должен отражать те самые лингвострановедческие особенности Беларуси: русский (белорусский) или иностранный? Вряд ли можно подвергнуть со-

мнению утверждение, что каждый язык должен отражать национальные, страноведческие или региональные особенности своих собственных носителей. Тем более, что такие «искусственные» переводы не получают повсеместного распространения.

Заключение. Таким образом, приведенные примеры, а также другой проанализированный материал показывают, что неточности в переводе общеупотребительной русскоязычной научной лексики носят системный характер, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Это еще раз доказывает необходимость обратить пристальное внимание к вопросам изучения и обучения иноязычной научной лексике, грамотное владение которой может не только обеспечить полноценную коммуникацию, а как следствие и тесное взаимодействие, с учеными различных стран, но и повысить уровень научных исследований, а также авторитет отечественной науки и научной интеллигенции.

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СБОРНИКА «ЗА СТРОКОЙ» ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

О.В. Лапатинская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Для поэзии на современном этапе весьма характерно возрастание личностного начала. Индивидуальность современного автора все более отчетливо проявляется в его произведениях, поэтому для того, чтобы лучше понять состояние современной поэзии, необходимо уделить особое внимание изучению уникальности жизненной концепции каждого автора, его отклика на ту или иную проблему современности, способности интерпретировать факты и события в контексте художественного произведения.

Цель исследования – раскрыть тематическое богатство, определить идейную нагрузку и образную специфику стихотворений сборника «За строкой» Елены Крикливец.

Материал и методы. Предмет данного исследования – стихотворения из сборника Е. Крикливец «За строкой». Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, герменевтический.

Результаты и их обсуждение. Наше внимание привлекло творчество Елены Крикливец – члена Союза писателей Беларуси, члена Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России, молодого и перспективного автора. В конце 2015 года вышел в свет ее второй сборник стихов «*За строкой*». Поэт активно выступает в периодической печати Беларуси и далеко за ее пределами. Стихотворения Е. Крикливец публиковались в России, Молдове, Армении, Болгарии, Германии, Австрии, Бельгии, Израиле, США. Елена является лауреатом восьми престижных международных литературных конкурсов.

Лирическая героиня ее стихотворений современная молодая женщина, которая чутко чувствует драматизм жизни и сложность отношений между людьми. Название сборника – «*За строкой*» – многозначно. Что прочитывается в строках поэтического произведения и за ними? Тревога, радость, переживание, любовь, тоска, история, современность, мечта? Эти смыслы, как и многие другие, скрыты в *слове*, образ которого присутствует во многих стихотворениях сборника: «*Свеча погасла на ветру...*», «*Светились очи – лики, а не лица...*», «*Им суждено, переступив порог...*», «*Просто время свело полуду...*» и др.

Многие стихотворения Е. Крикливец отличаются философской направленностью: автор нередко использует библейские аллюзии и реминисценции. Отметим, что обращение поэта к вечным темам и образам – это не дань традиции или желание следовать за популярными в наше время мировоззренческими тенденциями, а искреннее стремление обрести истину, помогающее мечущемуся в неустойчивом мире человеку. Образ Спасителя является центральным в стихотворениях «*Младенец спал...*», «*Оставив суховой безжалостно глумиться...*». Поэт верит, что «*Пречистая не отводит от нас глаза...*», не смотря на то, что «*калеки сырые, / пропявая в подвалах жизнь, / помолились бы и за Ирода, / лишь копеечку покажи*» [2, 53] (стихотворение «*Облака серым шелком вышиты...*»). Дихотомия материального и духовного нашла отражение в стихотворении «*Пролился свет сквозь ветви вековые...*».

Постичь истину поэт пытается через *слово*, не случайно «*рвется окаянная душа / в извечный путь за словом – на Голгофу*». Задача поэта – строить «*новый храм*», поскольку «*поэт все-*